

Станислав Былич

ОМУТ-ДУША

рассказы, стихотворения

Станислав Былич

**Омут-душа. Рассказы,
стихотворения**

«Издательские решения»

2015

Былич С.

Омут-душа. Рассказы, стихотворения / С. Былич —
«Издательские решения», 2015

В сборник «Омут-душа» вошли такие рассказы, как «Стена», «Человек и Нора», «Мерзость», «Красный трамвай» и др., а также стихотворения, написанные в период с 2008 по 2015 годы.

Содержание

Стена	6
Пролог	6
Глава 1. Начало	7
Глава 2. Комната	8
Глава 3. Есть мгновения, переворачивающие вечность	9
Глава 4. Разговаривать можно без слов	11
Глава 5. Щепка с парусом	13
Глава 6. В склепе	14
Глава 7. Пробуждение от реальности	15
Глава 8. Стена здесь	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Омут-душа
рассказы, стихотворения
Станислав Былич

© Станислав Былич, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Стена

Пролог

Алло... Привет. Да, да, это я. Живой, всё нормально. Я в городе. Скоро буду дома. Как родители? Что-то непонятное случилось, сейчас расскажу, не торопи, я и сам не всё помню...

Глава 1. Начало

Я шёл с работы, как обычно, пешком, привычным маршрутом через самый центр города. Было тепло, и я не особо торопился, и в какой-то момент, о чём-то задумавшись, почувствовал глухой удар по голове, то ли сзади, то ли сверху.

Очнулся уже в фургоне, который быстро и не очень деликатно вёз меня в неизвестность. Как долго ехали – сказать не могу, так как не знаю в какой именно момент я пришёл в себя, но с того момента прошло ещё где-то полчаса. Исходя из скорости и времени, я сделал вывод, что ехали за город.

Эх, когда смотришь кино, думаешь, ну как этот герой не может догадаться, куда его везут, ведь здесь же столько приметного. И резкий поворот, который на этой трассе только один, и кафе это с караоке, оно тоже в пригороде одно. Это со стороны. А когда сам оказываешься в такой ситуации, то всё совсем не так просто. Это всё равно, что тебе завяжут глаза и отправят гулять по собственному кварталу, где ты с детства живёшь. Всё воспринимается по-другому. Начинаешь слышать звуки, которых раньше не слышал или не придавал им значения, запахи, которых оказывается больше, намного больше, чем ты думал.

Остановились. Я думал, этого никогда не произойдёт. Открылась задняя дверь фургона, и человек в деловом костюме вежливо, чему я очень удивился, попросил меня выйти. Именно попросил, а не потребовал. Странно. Я вышел. Всё-таки великое оружие – вежливость. Решил не вступать в перепалку с ним, смысла в этом всё равно нет. К тому же мне стало даже немного интересно, что будет дальше.

А дальше всё произошло достаточно прозаично. Меня вежливо, но без особых церемонностей, проводили в небольшую комнату, и дверь захлопнулась. После второго поворота ключа ко мне вернулись благоразумие и реализм. Первое, что полезло в голову это непонимание. Зачем, собственно, всё это, и кто за этим стоит? И почему именно я? Чем я так выделяюсь из всех людей этого города. Я так и не пришёл ни к одной здравой мысли.

Глава 2. Комната

Я вошёл в комнату. Она была крайне неуютной. Конечно, я не ожидал оказаться в президентском номере, скорее я думал о худшем, но этот интерьер наводил чудовищную жуть. Дело даже не в бытовом комфорте, а в какой-то специально созданной атмосфере страха, неуверенности, тревоги, как будто декорации на съёмках фильма ужасов. Полумрак, свисающие со старых гардин, грязные шторы непонятного цвета, видимо, когда-то бывшие красными, хаотично сдвинутая мебель, небольшая софа, валяющиеся по всему полу книги и газеты. В общем здесь явно никто не жил, и уже давно.

Я осмотрел комнату настолько пристально, насколько позволяли мне моё зрение и тусклое освещение, создаваемое маленькой лампочкой, висящей под потолком. Грязные обои на стенах, грязный ковёр на полу, потолок, из-за полумрака кажущийся бездной, нависающей над головой. Только одинокая тусклая лампочка, освещающая небольшую площадь вокруг себя, обозначала хоть какую-то его границу.

Неуютно, чуждо всё было здесь для меня, и чувство беспомощности, неизвестности всё больше овладевало разумом. В первые час-два мне было даже интересно. Я всматривался в углы комнаты, пытаюсь разглядеть то, что рисовало мне воображение, время от времени поднимал с пола какие-то старые книги, пытался понять о чём написано в газетах, но они были настолько старыми, что ни имена ни события упоминавшиеся в них не находили отклика в моём сознании. Но при всём этом отталкивающем антураже что-то внутри меня всё-таки чувствовало некое присутствие живого, одушевленного, дышащего, может быть даже смотрящего на меня. В ту минуту холодок пробежал по спине. Я быстро обернулся, сердце отдавало в голову тяжёлыми ударами. Такое, на первый взгляд, ложное ощущение опасности, но разве бывают вообще ощущения ложными?!

Я принялся беспорядочно рыскать глазами по сторонам, по углам комнаты, по стенам, по шкафам с книгами. Я остановился на стене с картинами, грязной, но отдающей каким-то блеском, бросающей какие-то невнятные блики от той тусклой лампочки, висящей под потолком. Я замер, я чувствовал, что с этой стеной что-то не так, но не рождало моё сознание никаких предположений, только страх и исступление, тот страх, который прибывает ступни гвоздями к полу и не даёт пошевелиться ни одной мышце.

Я всматривался в грязно-зеркальную поверхность стены, пытаюсь разглядеть хоть что-нибудь, но видел только своё блёклое отражение, рассеченное грязными разводами и покрытое многолетним слоем пыли. Я продолжал всматриваться, искать в этом рисунке разводов и пыли какие-то внятные черты, прекрасно понимая, что эти черты могут напугать меня до смерти. Я всматривался, а ком в горле всё сильнее затруднял дыхание, а удары в мозгу становились всё интенсивнее. Было бы светло, так ещё ладно, но этот полумрак! Как будто его специально здесь создали для пушшего утрашения!

Глава 3. Есть мгновения, переворачивающие вечность

Вдруг, всматриваясь в своё отражение, я в ужасе отпрянул назад, и по спине снова пробежали ледяные мурашки. Сквозь грязную блестящую стену, смешиваясь с моими чертами, на меня смотрело лицо. Правильные линии его и мягкий взгляд согревали меня, и холод немного отступил. О, Боже! На меня смотрело лицо прекрасной девушки безмолвным, но вопрошающим взглядом, не обречённым, но начавшим отчаиваться!

Я подбежал к стене и остановился в сантиметре. Девушка глядела на меня, как бы пытаясь получше рассмотреть. Я тоже рассматривал её. Так прошло около пятнадцати минут, прежде чем я догадался стереть пыль со стены рукавом. Мне стало всё равно, что рукав будет грязным, только её лицо волновало меня теперь. Я провёл рукавом по стене на уровне наших лиц, и она повторила моё движение. Я чувствовал взаимность в её поведении. Я увидел, что стена стеклянная, и у девушки такая же комната, как и моя. Но зачем? Это чья-то шутка? Как она сюда попала? Так же как и я? Бедняжка...

Я попытался постучать по стене, но она оказалась очень прочной, скорее всего бронированной. Ты спросишь, почему я не попытался заговорить с ней? Мне это и в голову не пришло. Я находился один в комнате в полумраке, но ощущение того, что на меня кто-то смотрит не оставляло меня ни на минуту. Из-за такого напряжения я не мог произнести ни слова, мне казалось, что я, таким образом, заговорю с самим собой. Знаешь, этот психологический барьер. Как, например, стоя на обрыве, ты не решаешься прыгнуть в море. Ты, как будто упираешься лбом в какую-то невидимую стену между тобой и той свободой, в которую хочешь прыгнуть. Ты долго стоишь, покачиваясь, страх встаёт комом в горле, ты понимаешь, что, в принципе, тебе это ничего не стоит, но что-то сдерживает тебя. Так и здесь. Ты понимаешь, что произнесёшь слова, и ничего не произойдёт, но психологические барьеры, которых достаточно наставили перед тобой воспитание и общество не пускают тебя к этому «безрассудному» и «ненормальному» поступку.

Но я, проглотив тот ком, что мешал дыханию, сказал первую фразу, которая пришла мне на ум: «Как тебя зовут?» Она улыбнулась и мимикой показала, что не понимает. «Ты не слышишь меня?» – более уверенно слетело с моих губ. Она повторила предыдущее. Я понял, что она не слышит, и это, конечно, расстроило меня. Ведь как без слов общаться? Речь ведь это самое главное между людьми, главный способ общения. Мне понравилась эта девушка, а я даже не могу услышать её голос, не могу поговорить с ней. И может быть уже никогда не смогу. Так и сдохнем здесь, не сказав друг другу ни слова! Что за несправедливость! Лучше бы её вообще здесь не было! Зачем я всматривался в эту стену!

Она продолжала стоять и смотреть на меня, но уже не так напряжённо, а я, чувствуя безысходность, отвернулся от стены и стал импульсивно рыскать по комнате. Я стучал по стенам в надежде нащупать в них полости, подбежал к окну, облачённому в тяжёлые грязно-красные шторы, резко одёрнул их, но проём оказался заложённым кирпичом. Я пнул по нему ногой, но кирпичная кладка была непрístupна... Я впал в ярость, моё состояние перешло на новый уровень, уровень истерии, панической злобы, безнадежной, отчаянной злобы. Бессмысленное состояние. Состояние зверя, помещённого в клетку, лишённого свободы, но не лишённого сил. В нём просыпается природный рефлекс борьбы, борьбы с любым врагом, бессмысленной борьбы, отчаянной борьбы за свою жизнь, за всё то последнее что у него осталось.

А у меня остались эти несколько кубометров пыльного воздуха, старые книги и газеты, проклятая стеклянная стена и ангел с большими светлыми глазами, от которого она меня отделяет, не даёт приблизиться, дотронуться, почувствовать, услышать. Всё, что было до этого, всё, что осталось за пределами комнаты потеряло смысл и не имело сейчас никакого значения.

Только я, только она, только стена... И всё моё естество, вся моя природа толкали меня на эту борьбу, дикую, бессмысленную, но единственно важную во всей моей жизни!

Здесь тяжело дышать, пыль и спёртый воздух делают своё дело. Я упал на колени, стараясь втягивать воздух носом, и ближе к полу, чтобы в лёгкие попадало меньше пыли.

В поле моего зрения попала старая деревянная табуретка, и я как баскетболист, чувствуя приближающийся сигнал сирены, собрал последние оставшиеся силы, схватил её и изо всех этих сил бросил, как будто через всю площадку, в проклятую грязную стеклянную стену. Это стало апогеем моей истерической, кажущейся бессмысленной, борьбы. Старая табуретка с грохотом влетела в стекло. На долю секунды я замер, видя и осознавая, что запустил её прямо на уровне ангельского лица, наблюдающего за моим безумием. Я так увлёкся борьбой, что на мгновение забыл самую её первопричину. В моей голове в ту долю секунды промелькнула картинка, будто табурет пробивает стекло и летит в её голову. Но картина оборвалась, не дойдя до финала в тот момент, когда табуретка с грохотом ударилась о стену и разлетелась вдребезги. Она не пробила стекло и не полетела дальше, не ударила девушку. Но убила последнюю надежду... Стеклянная пропасть продолжала разделять нас. Я без сил рухнул на софу.

Глава 4. Разговаривать можно без слов

Я поднялся с софы, смахивая с брюк пыль. На мгновение я забыл, где я, и что происходит, но тут же пыльный спёртый воздух, ударивший в нос, вернул меня в реальность. Реальность продолжала быть кошмарной. Опостылевшая мерзкая комната, грязные стены, разбросанные газеты. И полумрак, постоянный полумрак, постоянно одно и то же время суток – ночь. Ночь, сопровождаемая самым отвратительным, чем только она может сопровождаться – тусклым, но бьющим в глаза омерзительным жёлтым светом маленькой лампочки.

Я сел спиной к стене в той её части, где она была грязной, но чувствовал её взгляд, спинным мозгом. Я чувствовал её дыхание, я чувствовал её. Мне казалось, что я сейчас закрою глаза, подумаю о чём-нибудь хорошем, и стена растворится, и я провалюсь в её комнату. Я закрыл глаза и подумал о том, что сейчас может твориться снаружи, что делают и о чём думают люди, которые привезли меня сюда. И кто эта девушка? Может быть она специально подсажена ко мне и она заодно с ними? Вряд ли... В её глазах я видел искренность, я видел любовь. Хотя, это могло быть просто хорошей актёрской игрой. Ведь есть же декорации, почему бы и актрисе здесь ни быть...

Я боюсь повернуться к стене. А что, если я повернусь, а её там не будет. Вдруг её уже увезли отсюда. Опять этот страх, опять эта боязнь сделать важный шаг. Бездонный потолок давил на меня и прижимал к полу. Я хотел есть, хотел пить, хотел уйти отсюда. Но всё это казалось мне невозможным теперь. Меня совершенно точно бросили сюда на верную смерть и теперь наблюдают за этим процессом, да ещё и красивую девушку посадили через прозрачную стену, чтоб совсем меня добить.

Я чувствовал, что спиной протираю стену от пыли и она, наверное, видит это. Я повернулся и увидел, что она лежит на полу, она постелила на ковёр накидку с софы. Видимо она здесь дольше, чем я и уже немного освоилась. На полу, наверное, прохладнее и поэтому она так спит.

Она спит тихо, я не слышу этого из-за стены, но чувствую. Накидка большая и покрывает, чуть ли не половину пола, поэтому она лежит свободно, раскинув волосы по сторонам. Боже, прекрасное зрелище. Казалось бы, подумаешь, спящий человек, но помните про двор и завязанные глаза? Человек иногда попадает в такие ситуации, при которых привычное становится новым, загадочным, удивляющим, незаметное – гигантским, глобальным и всецело поглощающим тебя. Я сидел и смотрел на нее, наверное, пару часов. Она спала, не шевелясь, и только иногда поворачивалась на спину, и при глубоких вдохах воздух наполнял её грудь, и она приподнималась, принимая очертания, которые не могли оставить равнодушным ни одного мужчину, тем более меня.

Я смотрел, не смыкая глаз, и уже начал забывать о том месте, в котором находился, но тут щелчок в замке заставил меня встать и обратиться к двери. В комнату вошёл охранник, тот самый который вежливо проводил меня сюда. Он бегло осмотрелся, бросил взгляд на стену и спросил: «Вам что-нибудь нужно?» «Мне нужно домой, – вырвалось у меня. – Я хочу есть и пить, и вообще...» Я хотел спросить про то, зачем меня тут держат, но охранник не дослушав, достал из пакета колбасу, хлеб и пиво.

Вид колбасы произвёл на меня необъяснимое впечатление. Это неопишное состояние. Я чуть было не набросился на неё, но старался вести себя достойно. Он положил еду на столик, ещё раз бегло осмотрелся и направился к двери. «В чём дело?! – крикнул я ему в спину. – Зачем меня здесь держат, и кто вы такие?! Вы меня убьёте?» «Я не могу Вам этого сказать», – и он вышел также спокойно, как и входил.

Мною овладели злость и ярость. Я резко обернулся к стене и крикнул: «Тебе они тоже ничего не говорят?!» Но она спала. На мгновение я подумал, что она слышит меня. Она не слышала...

Я сел на софу и стал есть. Голод не лучший товарищ. Колбаса казалась нереально вкусной, я бы съел тонну. Я ел и временами поглядывал на девушку за стеной, она всё ещё спала, но я чувствовал, что скоро она проснётся и увидит, что я ем. Мне стало не по себе, ведь она, наверное, голодная, ей ничего не приносили. Или я просто не видел. В любом случае мне сделалось не по себе. Не то, чтобы я старался быстро доесть свой скромный обед тайком от неё, скорее наоборот, я смаковал каждый кусочек этой необыкновенно вкусной колбасы. Никогда раньше не задумывался над её вкусом. Колбаса да колбаса, ничего особенного. Но это опять из той темы со двором.

Я сел спиной к стене, я не мог успокоиться. Меня раздражало всё. Раздражала моя беспомощность, всеобщая неопределённость! Ради чего это всё?! Для чего меня сюда посадили, и наблюдают за мной? С другой стороны, что было бы, если бы я вчера дошёл до дома. Лениво переоделся бы, лениво поужинал, чем пришлось, и принялся продавливать диван как обычно? Ну вот, даже от мыслей об этом организм начинает впадать в сон, надо же было выработаться такому рефлексу. Вот сейчас, только подумал о диване, так сразу глаза начали закрываться.

Но только я об этом подумал, как тут же спиной почувствовал вибрацию. Резко обернулся, и увидел её ладонь за стеклом напротив моего лица. В её комнате был полумрак, но я хорошо видел её. Она сидела на полу, скрестив ноги, максимально близко к стене. Я сел так же. Пытаясь вслушаться в звуки окружающей обстановки, я напряг свои уши и каждой клеткой своего тела пытался уловить малейшие вибрации, исходящие от предметов, от стены. Мы сидели так долгое время, глядя друг другу в глаза и рисуя на стекле разные фигуры и слова. Например, она нарисовала сердце, я улыбнулся и пронзил его стрелой. Она улыбнулась и добавила по бокам «Я» и «тебя». Я написал «Почему?» и глупо заулыбался. Она пожала плечами. Исписав всю поверхность в пределах вытянутых рук, мы вскочили и принялись наперегонки выводить разные вопросы в других частях стены. «Давно ты здесь?», «Тебе приносили еду?», «Кто эти люди?» и другие подобные стихийные вопросы заполнили большую часть поверхности стены. Но мы только задавали вопросы, почти не отвечая на них. Урывками мы читали зеркально перевёрнутые надписи и отвечали либо жестами, либо подписывая короткие слова рядом. Но в целом, этот диалог не был информативным, скорее это был выброс эмоций. Отчаянный, но трогательный и хранящий надежду.

Нас окружали пыль, грязь и неопределённость. Полное отсутствие времени и пространства, почти полная невозможность общаться и тем более помочь друг другу. Временами она подходила к стене и прикладывала ладонь, я подбегал и прикладывал свою, или водил по ней пальцами, представляя, что на самом деле касаюсь её. Но пальцы мои касались холодного стекла, и я поднимал взгляд и смотрел ей в глаза, кричащим отчаянием. Её глаза отвечали тем же, но казались более оптимистичными. Это был наш диалог, это был наш язык, наше общение. Это стало нашей маленькой, запертой в душной камере, жизнью. И о том, что может быть другая, мы почти забыли. Только глаза, только ладони, только проклятая стена...

Глава 5. Щепка с парусом

Мы опустились на колени и прислонились к стене головами, как, если бы они касались друг друга. Я спросил её: «Ты когда-нибудь задумывалась о судьбе?» И написал на стекле «Судьба?». Она утвердительно покачала головой и написала «А ты?». Я написал «Раньше нет, теперь да». Она показала жестами, что хочет спать, я одобрительно покачал головой, и она легла на софу, накрывшись накидкой.

Я сел на пол, спиной к стене и погрузился в мысли. Ведь я действительно не задумывался раньше о судьбе, фатальности, неизбежности. А что, если всё в моей жизни закономерно? И не просто закономерно, а спланировано, выверено кем-то свыше. Я жил до этих событий спокойной, но скучной жизнью. Носил яркую одежду, смотрел яркое кино, но сама-то жизнь была серой и тусклой! Не было в ней смысла, только движение. Примитивное движение вперёд, такое движение, которым обладает щепка, плывущая по ручью. Но разве это движение? Хотя у щепки, наверное, тоже есть судьба. Судьба быть ведомой ручьём. Ведь может подуть ветер и её прибьёт к берегу, может упасть камень и ручей перекроет. Да и, в конце концов, ручей может просто пересохнуть. Щепка не совершает самостоятельных действий, она ничего не делает, но в то же время она постоянно подвержена влиянию внешнего мира. А это тоже действие. Это роль. Это значение. Это смысл.

До этого дня я был щепкой в ручье моего города. Но подул ветер, и меня прибило к каменному берегу. Я увидел свой ручей с другого ракурса. Я почувствовал, что есть берег, есть скалы. Они опасные, острые, но чертовски привлекательные! Этот извечный вопрос – «Как лучше жить?» Плыть по течению, или искать свои пути, строить свои маршруты. Я не знаю, для чего мне послано всё это, но всё больше я становлюсь убеждённым в «неслучайности» и закономерности. Я не расслабился и не сдался на милость обстоятельствам, но я понял, что нужно искать, постоянно искать эти каменистые берега, для того чтобы открывать для себя новые земли, ставить новые цели и добиваться их. Нужно не противопоставлять себя обстоятельствам и окружающему миру, а научиться понимать их, ковать своё счастье из этого металла. Плыть по ручью, но под своим парусом. Пускай меня придавит камнем или я разобьюсь брошенный ревущим потоком об острые скалы, но буду жить! Жить, а не существовать! При этом я буду абсолютно спокоен, ведь есть судьба, которая ведёт меня к нужным местам и нужным людям, надо только читать её знаки и не бояться делать шаги. Верить в судьбу и быть плывущей по течению щепкой всё-таки не одно и то же.

Я щепка с парусом.

На этой мысли я открыл глаза и захотел поделиться соображениями с ней. Я обернулся. Её в комнате не было. Опять панический холодок напомнил о себе. Я постучал по стене. Я мог стучать сколько угодно, её комната была пуста. Она ещё хранила её нематериальное присутствие, но всё же была пуста. И я не имел ни малейшего понятия о том, где она, жива ли она вообще. Я знал одно – она навсегда останется в моём сердце, как бы глупо это ни звучало, но я влюбился в неё.

На секунду я подумал, а что если она с ними заодно и сейчас ухмыляясь, наблюдает за мной. Нет, этого не может быть, я видел её глаза, я чувствовал тепло её ладони через холодное стекло. Нет, этого не может быть. Я должен быть с ней. Она – моя надежда, мой последний шанс.

Глава 6. В склепе

Я не мог сидеть спокойно. Мою голову посещали только кошмары. Я представлял, как её везут по ночной дороге на берег моря, чтобы пытать, а потом бросить со скалы! «Убийцы! Откройте дверь! Мне надо к ней! Куда вы её увезли? Что вы с ней сделали?» – голова разрывалась от несвязных импульсов. Рушить, убивать, вырваться отсюда! На как? Я в клетке, я в склепе. Я не вижу ни одного лучика света, не чувствую ни одного глотка свежего воздуха. Неизвестно в каком здании я нахожусь, на какой глубине или высоте. Неизвестно какое время суток сейчас.

Я судорожно огляделся по сторонам, при этом, всё же стараясь сохранять концентрацию разума. Я искал камеры или окошки, через которые за мной могли наблюдать, но ничего не указывало на их присутствие. Кричать бессмысленно, биться о стены глупо. А что делать? Сидеть и ждать. Чего?

Пометавшись по комнате пару часов, я сел на софу. В этот момент раздался щелчок в замке, в который раз сфокусировав на себе моё зрение. Вошёл охранник и предложил мне стакан воды. Я страшно хотел пить, но еле сдержавшись от того, чтобы броситься на него с обломком табуретки, сквозь зубы демонстративно отказался. Охранник, абсолютно не воспринимая то, что я говорю и делаю, поставил стакан на столик и ушёл. Как только дверь захлопнулась, я схватил стакан и залпом осушил его. Но казалось, я был таким раскалённым, что вода испарилась по пути в желудок.

Спустя минуту я почувствовал головокружение и вырубился. В тот момент я подумал, что вырубаюсь от усталости и нервов, но реальная причина была куда приятнее...

Глава 7. Пробуждение от реальности

Как во сне, или может быть после сна, я очнулся на скамейке в парке. Я осмотрелся и не без труда узнал в окружающей обстановке наш парк, в котором я частенько бываю. Секунду спустя меня пробил лёгкий озноб. Я заметил, что пар выходит из моего рта на выдохе, и листья совсем опали, и то ли иней, то ли лёгкий снег покрывает землю и деревья. Неужели уже декабрь. Получается, что я пробыл в комнате два месяца. А казалось, что прошла максимум неделя. А может я на севере? Нет, бр-р... Мой же парк вокруг, что я несу! Видимо остаточное действие от наркоза, который мне подсунули тогда под видом простой воды.

Ещё минут пятнадцать я сидел на скамейке, не смея двинуться, пытался понять, что именно было сном, комната, девушка, или этот зимний парк. Сложно было понять.

В какой-то момент ко мне всё же пришло осознание какой-то реальности, да и инстинкт самосохранения побуждал меня покинуть холодную скамейку. Я встал и, осмотрев себя, понял, что на мне та же одежда, в которой я исчез по пути с работы домой тем тёплым октябрьским вечером, но только она была чистая, как новая. Как будто и не тёрся я о грязную стену и не валялся на пыльном полу, на протяжении двух месяцев.

Я, немного подёргиваясь от холода, направился по аллее к выходу из парка, сам толком не понимая, куда иду. Вышел на улицу. Она была не очень шумной, видимо в силу раннего времени суток. Увидел телефонную будку и направился к ней, чтоб позвонить кому-нибудь из близких, сказать хотя бы, что я живой. Это первое, что пришло мне в голову.

И вот, решил позвонить тебе, а то родителям я вряд ли смог бы сейчас что-нибудь внятно объяснить.

Глава 8. Стена здесь

Во время всего разговора с братом, он смотрит в одну точку, на телефонный аппарат, но в какой-то момент, направляемый чьей-то рукой, поворачивается вправо, и его пробивает холодный пот. На слегка затронутом морозом стекле будки он видит знакомый и излучающий тепло силуэт ладони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.